

Елена Михайловна БОНДАРЧУК¹

УДК 662.5; 821.161.1

КНИЖНАЯ ТОПИКА В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»

¹ кандидат филологических наук, доцент
кафедры социальных систем и права,
Самарский национальный исследовательский университет
им. академика С. П. Королёва
elena_bondarchuk@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1021-5684

Аннотация

Статья посвящена изучению поэтики романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Эта проблемная область, несмотря на активное исследовательское внимание, по-прежнему содержит в себе огромный потенциал для дальнейших открытий. Основное внимание автора сосредоточено на актуальной проблеме предметно-вещной репрезентации художественного пространства. Цель данной работы состоит в изучении книжной топики, в выявлении системы взаимосвязей между устойчивыми образами и мотивами, которые представлены в тексте как лексемой «книга», так и ее дериватами. С опорой на труды предшественников (А. П. Власкина, Г. Я. Галаган, Л. В. Карасева, Н. А. Макаричевой) впервые (в этом и состоит новизна) выдвигается и обосновывается идея функционирования «онтологической схемы» сюжета, формируемой предметом-символом «книга». Несмотря на относительную немногочисленность сюжетных ситуаций с точкой присутствия книги, выявляется широкая разветвленность схемы, в том числе за счет присущего поэтике Достоевского принципа двойничества. Делается вывод о значимости данной «онтологической схемы» для понимания замысла романа в связи с широтой заключенной в ней семантики: знания, памяти, просвещения, изменения, «второго рождения». Статья состоит из четырех частей, где подробно рассматривается функционирование книжной топики в разных сюжетных фрагментах: в предисловии «От автора», в сообщениях повествователя о биографии Смердякова и Красоткина,

Цитирование: Бондарчук Е. М. Книжная топика в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» / Е. М. Бондарчук // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2022. Том 8. № 3 (31). С. 90-107.
DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-3-90-107

в третьей встрече Ивана Карамазова со Смердяковым. В работе использован структурно-семиотический метод исследования текста с элементами мифопоэтического и онтологического подходов.

Ключевые слова

Книжная топка, онтологическая схема, мотив книги, Достоевский, Братья Карамазовы.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-3-90-107

Введение

В полном собрании сочинений, в примечаниях к роману «Братья Карамазовы» (далее — БК), Г. М. Фридлендер пишет о грандиозных задачах, которые ставил перед собой Достоевский при создании романа: «помериться силами с Данте и другими величайшими авторитетами европейских литератур. ...Создать не обычный роман, но произведение энциклопедического склада, всесторонне выражающее „стремления и характеристику своего времени“» [23, с. 399-400]. Масштабность замысла, «проникнутой идеей „восстановления погибшего человека“» [23, с. 400], обусловила сложное построение и жанр романа, в котором отразилась потребность создать универсальную художественную сверхформу для комплексного воплощения миропонимания (историософских, этических, религиозных, эстетических, философских взглядов), для которого применимо условное определение «книга», восходящее к европейской традиции в литературе XIII-XV вв. «Роман мой „Братья Карамазовы“ я пишу „книгами“», — отмечал Ф. М. Достоевский в письме к издателю [23, с. 434]. Обозначение «книга» применяется в БК (в отличие от всех других романов «Пятикнижия») в качестве единицы композиционного членения текста. Роман состоит из четырех крупных разделов — частей, каждая из которых включает по три книги (общее количество — 12). Совокупность «книг» ассоциируется с образом библиотеки, с книгой-сводом, суммой (средневековым философским жанром обзорно-итогового характера) или барочным компендиумом. Внутри 12 книг текст распределяется на 93 главы. За пределами книг находятся три главы эпилога и предисловие от автора. Членение текста БК, с точки зрения В. А. Котельникова, воспроизводит структуру схоластического трактата, «в котором обязательно выделяются *partes* (части), разделяемые в свою очередь на *minores partes* (меньшие части), делимые затем на *membra, quaestiones* (разделы, вопросы) и далее на *articuli* (подразделы)» [15, с. 30]. О. Н. Щедракова предполагает, что метажанровое понятие «книга» подчеркивает установку на универсальность, следствием которой становится «ослабление жанрового канона», наличие «семантики вещности, материальности», что способствует стиранию границ между материальным и духовным, и так называемые «уникальные факторы целостности текста, начиная от объема (он мог быть разным даже в рамках творчества одного автора) и заканчивая структурой внутреннего членения текста» [25, с. 127]. Для нашего исследования особое значение имеет третий признак. В качестве указанного

«уникального фактора» выступает «чрезвычайно разветвленная мотивная структура» («семантический код»), присущая БК и понимаемая как организующее начало всей сложной многоуровневой системы романа. «Анализ мотивов, их вариативных компонентов, семантических и функциональных отношений, возникающих между ними внутри романного пространства „Братьев Карамазовых“, позволяет воссоздать во всей полноте идейно-философскую концепцию, лежащую в основе сюжета» [22, с. 4]. В рамках данной статьи рассматривается книжная топика, обращение к которой обусловлено значимостью понятия «книга» для структуры и идейного содержания романа БК. Цель данной работы состоит в изучении книжной топика (мотивов и образов книги), в выявлении системы взаимосвязей между устойчивыми образами и мотивами, которые представлены в тексте лексемой «книга» и ее дериватами.

Методы

В статье выделяются различные ипостаси присутствия книги в романе, но предметом исследования становится книга как предмет «вещного мира» романа, компонент пространственно-временной организации и фокус внимания повествователя. Исследование осуществляется на материале романа БК, завершающего «Пятикнижие» и являющегося итогом творческой деятельности Ф. М. Достоевского. В работе использован структурно-семиотический метод исследования текста с элементами мифопоэтического и онтологического подходов.

Результаты исследования и их обсуждение

Мотив книги в предисловии «От автора»

«Достоевский — очень „книжный“ писатель», — пишет Н. В. Чернова, отмечая, что все варианты существования книги в тексте решают разные художественные задачи [24, с. 192]. Все ипостаси существования книги характеризуются повышенной символической нагрузкой, как и большая часть многочисленных предметов художественного пространства романов Достоевского. Л. В. Карасев утверждает, что предметы-символы проявляются «с удивительной настойчивостью» в ситуациях-испытаниях, которые проходят герои Достоевского (убийство, самоубийство, принятие важного решения), именуемых «онтологическим порогом» [14, с. 15]. Совокупность таких проявлений формирует «эмблематический сюжет» / «онтологическую схему произведения» [14, с. 13], т. е. функциональный компонент поэтики, раскрывающий замысел произведения. В сюжете БК можно выделить 25 больших и малых узлов онтологической схемы, связанной с предметом-символом «книга». В каждом таком узле пересекаются разнородные точки зрения, позиции, несходные линии аргументации, которые возникают в связи с некоей идеей (общее), которая оказывается в центре конкретной сюжетной ситуации (частное). Предметность/вещность книги в сюжете условна, что закономерно для «развещественного мира» Достоевского¹. Однако появление

¹ Подробнее о предметно-вещной онтологии в «Братьях Карамазовых» см. в [3].

книги всякий раз актуализирует в сюжете проблему соотношения идеального и материального, вечных ценностей и вещного, преходящего, подчеркивает диалектику их существования.

Исходный узел онтологической схемы в БК находится в авторском предисловии (пятый абзац), в эпизоде, антиципирующем модели прочтения романа. Речь идет о двух типах читателей: первые (нестойкие), действующие по прихоти, «могут *бросить книгу* и с двух страниц первого рассказа» [8, с. 6], вторые — «такие деликатные читатели, которые непременно захотят дочитать до конца, чтобы не ошибиться в беспристрастном суждении; таковы, например, все русские критики» [8, с. 6]. Через образ книги брошенной, отвергнутой (символ разрыва с традицией) и, наоборот, прочтенной с превеликим пристрастием вводится мысль о чтении как процессе проживания жизни, понимания ее сакральных смыслов, вне пределов которого оказываются и первые, и вторые. Книга соотносится с организованной семиотической средой (пространством памяти), в которой происходит воссоздание живых смыслов и, как следствие, «решение проблемы сущностной идентификации человека», к чему не способны указанные нетерпеливый и педантичный типы читателей [7, с. 36]. Таким образом, книга во всех узлах актуализирует проблему сущностной идентификации героев, показывает характер ее разрешения или намекает на возможность разрешения, заложенную в структуру ситуации или события. В связи с разрешением вопроса о себе и мире, поиском ответа для примирения внутренних противоречий и обретения цельности в сюжете БК выделяется категория читающих героев (герой/героиня с книгой), включая главных, второстепенных и эпизодических. В их числе Иван Карамазов, идеолог, философ и писатель, подходящий к жизни с позиции «логики ума». О нем известно, что он после долгих мытарств в юные годы «в последние свои годы в университете» наиболее ярко проявляет себя, делая «весьма талантливые разборы книг на разные специальные темы, так что даже стал в литературных кружках известен» [8, с. 15-16]. Юный Коля Красоткин (двойник Ивана) в книгах черпает знания для достижения интеллектуального превосходства и власти над сверстниками и взрослыми. Р. Бэлнэп пишет о нем: «Подобно Ивану, Коля умен и беспрерывно „мучает себя совестью“, а широта круга его чтения, включающего таких авторов, как Вольтер, изумляет окружающих. Но его ум — это ум развитого не по годам школьника, за измышлениями которого очень забавно следить...» [4, с. 202]. Круг его чтения пёстр — здесь и острая публицистика («номер „Колокола“»), история (учебник всеобщей истории С. Н. Смараглова), сочинение о любовных приключениях («Родственник Магомета, или Целительное дурачество»). Повествователю принадлежит замечание о том, что Коля «прочел кое-что, чего бы ему нельзя еще было давать читать в его возрасте» [8, с. 463]. В категории читающих героев находится также Григорий Васильевич Кутузов, который начинает читать «упорно и многолетно» после рождения и смерти «дракона» (шестипалого сына), события, которое он наделял «темным» смыслом и от которого защищался присутствием трех «божественных» книг: «читал

Четии-Минеи, больше молча и один, каждый раз надевая большие свои серебряные круглые очки. Редко читывал вслух, разве великим постом. Любил книгу Иова, добыл откуда-то список слов и проповедей „богоносного отца нашего Исаака Сирина“» [8, с. 89].

Книгой в той или иной мере поверяется большинство героев, даже те, которые могут быть обозначены как «герои вне книги» — Смердяков, таинственный гость Зосимы, Фёдор Павлович Карамазов. Предельным случаем являются те четыре чиновника, попавшие в присяжные (суд над Дмитрием Карамазовым), которые находятся в состоянии полного «беспамятства». Эта мысль косвенно раскрывается в грамматической структуре реплики повествователя о них: «уж, разумеется, никогда не прочитавшие ни одной книги» [9, с. 93], которая представляет собой утверждение, построенное на основе тройного отрицания, что подчеркивает абсурд ситуации, где именно этим чиновникам предстоит определить, что есть правда, и вынести суждение о виновности/невиновности Дмитрия Карамазова.

Итак, в сюжете романа БК книга присутствует как:

- предмет «вещного мира» романа, являясь компонентом пространственно-временной организации и фокусом внимания повествователя;
- актант — молчаливый участник диалога, субъект изображаемого действия;
- тема обсуждения;
- объект восприятия (чтение);
- объект создания.

Локус «шкаф с книгами» в биографии Смердякова

Остановимся более подробно на первой позиции. В поэтике БК сохраняется принцип абрисного изображения предметной среды. Материальный мир набрасывается бегло, создается лишь некоторый контур обстановки, самое общее представление о месте, в котором находятся герои. Это связано с авторским пониманием материальной среды как «преходящей оболочки», недолговечной «маски», формы, относящейся к «временной плоскости бытия» [13, с. 277]. Единичные зримые эмпирические реалии в «развеществленном мире» несут на себе печать «онтологически ориентированного взгляда» автора, наделены особым статусом и символической значимостью. В этом малочисленном ряду вещей/предметов книга занимает особое место, т. к. в большей степени, чем какой-либо другой предмет, создает «ценностное уплотнение мира» вокруг героя, его «ценностный центр», характеризует героя и обстоятельства, является мерилем их духовного содержания [2, с. 22]. «Книга» в сюжетном движении открывает возможность выхода в пространство вневременных смыслов, которую герои оказываются способны либо не способны (например, не видят, игнорируют) осуществить. Вместе с тем «книга» выступает в функции «предела» (границы), к которому неявно устремлены сюжетные события, предшествующие

ее появлению, и от которого начинается отсчет последующих событий, предела, высвечивающего профанное/сакральное содержание происходящего. В общей сюжетной динамике символ «книги» сопоставим с аттрактором, т. е. понимается как «некоторая точка в сложной самоорганизующейся системе, которая определяет динамику системы... направляет ее эволюцию» [1, с. 16].

В системе книжных мотивов романа БК, как и в поэтике Достоевского в целом, действует принцип «двойничества» («удвоения», «зеркального отражения», «складки»). Все варианты «двойников»/«удвоений» характеризуются «невторостепенностью», т. е. не ранжируются по значимости. «Они не только являются „кривым зеркалом“ главного героя, но и сами представляют собой оригинальный мир рефлексии сознания (наиболее ярко — Свидригайлов и Смердяков), которое, в свою очередь, отражается в главном герое. Неслучайно все эти герои непременно „сталкиваются“ в сложном сюжетном переплетении произведения, образуя систему взаимоотражений» [10]. В БК «двойники» выявляются в том числе через такой символический предмет, как книга. Один из наиболее наглядных примеров — композиционно дистанцированные эпизоды-двойники в биографиях Павла Смердякова и Коли Красоткина (ч. I, кн. III «Сладострастники», гл. VI «Смердяков» [8]; ч. IV, кн. X «Мальчики», гл. I «Красоткин» [8]). Предметным центром хронотопа данных эпизодов является «заповедный» (находящийся под охраной, закрытый для доступа, запретный) «шкаф с книгами». «В творчестве Достоевского локусы „в углу“ и „за шкафом“ являются именно „функциональными полями“ и „абстрактным языком“. Это своего рода гиблые, заповедные места. Герои, возникающие в этих пространствах, как правило, попадают в поле действия темных сил и становятся либо агентами демонического хаоса, либо его жертвами» [16, с. 65]. В БК локус «шкаф с книгами» не несет однозначного значения «гибельности», и пространство, где происходят события, находится не «за» шкафом, а перед ним — с лицевой стороны, однако «шкаф с книгами» всё же указывает на некую границу, к которой приближается герой, где будет сделан выбор и определен дальнейший вектор судьбы. «По отношению к герою эти „места“ являются функциональными полями, попадание в которые равнозначно включению в конфликтную ситуацию, свойственную данному locus'у» [20, с. 42]. В локус «шкаф с книгами» Павел Смердяков выходит «из угла», который в мифопоэтической традиции осмысливается как inferнальное место, с которым связаны тематические и мотивные комплексы смерти и омертвения в разных вариациях. Т. Г. Котельникова отмечает, что топос «угол» в БК упоминается 53 раза. Для Павлуши «угол» является психологическим убежищем, где он скрывается после побоев Григория, и местом, где взращивается ненависть и презрение к окружающим. Inferнальность «угла» усилена упоминанием топоса «бани» в словах-проклятиях Григория в адрес Смердякова: «Ты разве человек, — обращался он вдруг прямо к Смердякову, — ты не человек, ты из банной мокроты завелся, вот ты кто...» [8, с. 114]. Возникшая у Смердякова после очередных побоев падучая становится внутренней альтернативой внешнему «углу», т. е. еще одним убежищем, и вместе с тем

неким inferнальным местом внутри Смердякова. В болезни Павла отражается и юродство его матери — Лизаветы, и кликушество Софьи Ивановны, поэтому не случайна внезапная забота Фёдора Павловича о внебрачном сыне: падучая Павла для Карамазова — отголосок воспоминаний о второй жене. Болезнь разворачивает пространство судьбы Смердякова: Фёдор Павлович запрещает телесные наказания и учебу и открывает Павлу доступ «к себе наверх». Вершиной появившейся вертикали становится запертый «шкаф с книгами», который символизирует наследие «отцов» и открывает возможность чтения-преображения для 15-летнего Смердякова. Однако почти сразу выясняется, что шкаф интересуют юного «созерцателя» как материальный объект, большой предмет, который он рассматривал как диковинку. Внешне простая и реалистичная деталь: «сквозь стекло читает их названия» [8, с. 115] маркирует наличие прозрачного барьера, отделяющего разные миры — созерцаемого и созерцателя. Inferнальный взгляд Смердякова трансформирует содержимое шкафа в некий музейный экспонат, где названия книг служат описательными текстами-этикетками к объектам. Последующие действия Фёдора Павловича — выдача ключа, открытие шкафа, извлечение из его недр книг — приводят к иному результату, чем он предполагал. В глазах Павла шкаф с книгами как некая целостность распадается на отдельные части, которые для него не имеют никакой ценности и не только не вызывают интереса, но усиливают презрение ко всему. Содержимое шкафа для Смердякова так же плотно материально, как и сам шкаф, и названия книг выполняют роль своего рода маркировки предмета. Кратковременный опыт чтения художественной и исторической литературы («Вечеров на хуторе близ Диканьки» Гоголя, «Всеобщей истории» Смарагдова), результатом которого стал приговор «про неправду всё написано» [8, с. 115] и чувство скуки, является тому подтверждением. Шкаф запирается. Возможность стать библиотекарем (хранителем знания), которую предполагал Фёдор Павлович, не реализуется. Отрицательная трансформация связана с понижением статуса героя: Смердякову присваивается ярлык «лакейская душа», тем самым определяется и закрепляется его уровень существования. Ключ от шкафа с книгами меняется на выдаваемый по распоряжению Фёдора Павловича ключ от шкафа, где хранятся коньяк и ликер. Отрицательная трансформация завершается возникновением «ужасной брезгливости» у Смердякова, выросшей из скрываемого ото всех презрения, о которой сообщают Карамазову Марфа и Григорий: «...Сидит за супом, возьмет ложку и ищет-ищет в супе, нагибается, высматривает, почерпнет ложку и подымет на свет» [8, с. 115].

Мотив книги и его вариант — мотив «знания/невежества» формируют дополнительные смысловые цепочки связей между героями, объединяя их по принципу сходства или противоположности, создавая эффект двойничества и, таким образом, уплотняя сюжет. Смердяков, отказавшийся от книг, выступает как двойник Фёдора Павловича, державшего дома книги, но никогда не читавшего их. Через символическую деталь — учебник истории Смарагдова (прошлое, наследие отцов) — возникает соотношение «притяжения — отталкивания» между

невежеством Смердякова и страстью к интеллектуальному превосходству Коли Красоткина. Мотив книги раскрывает сложную систему взаимоотношений Смердякова и Ивана Карамазова, интеллектуала, мыслителя, писателя, т. е. создателя «книг».

Локус «шкаф с книгами» в биографии Красоткина

Повторно локус «шкаф с книгами» появляется в сюжетной линии Коли Красоткина, создавая инверсию («зеркальное отражение») первого. Последовательность изложения фактов биографии героев повествователем раскрывает «исходные позиции» героев и ключевые моменты их развития. Вхождение Павла Смердякова в локус «шкаф с книгами» происходит задолго (примерно за девять лет) до описываемых событий, является фактом биографии, уже перешедшим в область предания. Повествователь осуществляет двойное погружение в пространство памяти: намереваясь воскресить события, связанные с отцеубийством в Ското-пригоньевске (которые тоже произошли давно — 13 лет назад), в поисках причин происшедшего, он обращается к еще более давним событиям детства/юношества героев (кн. I «История одной семейки», кн. II «Сладострастники» [8]), которые носят экспозиционный характер. В ситуации с Колей Красоткиным такой эпизод связан с условным «настоящим временем повествования», когда Коле вот-вот исполнится 14 лет. Разница в возрасте Павла и Коли, когда в жизни героев появляется «шкаф с книгами», незначительная — примерно один год. Для Красоткина шкаф также является «зоной заповедной», но не запретной. Описание «вхождения» героя непосредственно в локус «шкаф с книгами» в рассказе повествователя опущено, также отсутствует мотив вручения ключей, символизирующий передачу «прав» на отцовское наследие: Красоткин показан уже вовлеченным в чтение.

Локус «шкаф с книгами» выполняет функцию замещения личности отца и всей совокупности мировоззренческих традиций, с которыми вступает во взаимодействие Коля. «Отчаянные, головорезные», но «не безнравственные» шалости Коли упомянуты повествователем после сообщения о любви к матери и любви к чтению. В случае со Смердяковым повествователь сначала сообщает «странностях»: «рос „безо всякой благодарности“, как выражался о нем Григорий, мальчиком диким... <...> В детстве он очень любил вешать кошек и потом хоронить их с церемонией» [8, с. 114], относился с презрением и усмешкой ко всему. *Шкаф* с книгами, воспринимаемый Смердяковым как диковинка, трансформируется в биографическом эпизоде Коли Красоткина в *шкап* с действительно диковинными/редкими книгами, которые собрал в своей небольшой коллекции его отец — чиновник Красоткин. Мотив редких книг сопрягается с мотивом удивления, которое всякий раз испытывает мать Коли, видя, что мальчик предпочитает чтение игре. Разное написание слов — «шкаф» и «шкап» — не столько дифференцирует ситуации, сколько дает стилистическую нюансировку и указывает на их (а следовательно, и ситуаций) принципиальное сходство. Локус «шкап с книгами», к которому причастен Красоткин, явно противопоставлен всем

другим, внешним, пространствам, в которых появляется герой и которые отмечены шалостями «отчаянными, головорезными», доходящими до inferнальности. Наиболее показателен эпизод, связанный с парой, заключенным между местными станционными мальчишками и Колей о том, что он пролежит под мчащимся поездом. Топика этого эпизода полностью мифологична: «безлунная», «почти черная» ночь, грохочущее чудовище со сверкающими красными фонарями (поезд), которое «наскакивает» и мчится мимо, лежащий недвижимо, лишившийся чувств герой, его возвращение домой бледным как полотно. Эти события описывают контакт героя с inferнальным пространством и чувство ужаса, близкое к смерти, пережитое им. Поступок приносит ему славу смельчака, но не дает внутренней уверенности. Обморочное состояние под колесами поезда переключается с его замиранием, затиханием около шкафа и далее ассоциируется с забиванием Павла Смердякова «в угол». Внутренней силы Красоткин набирается в интеллектуальном убежище, у «шкафа с книгами», там черпает свое «могущество» в «сверхзнании», которое позволяет создать дистанцию и укрепить чувство собственного превосходства над окружающими. Так, в эпизод-двойник косвенно возвращается мотив inferнальности, связанный с углом, только в данном случае с «интеллектуальным». Отзвук «угла» возникнет еще дважды. В первом случае — в эпизоде встречи с Илюшей, где Коля упоминает книгу, взятую из шкафа отца, — «Родственник Магомета, или Целительное дурачество», которую он обменял на бронзовую пушечку у чиновника Морозова. Книга создает «фоновый» образ Смердякова и его болезни в данной сюжетной ситуации. Генриэтта Мондри, Джеймс Райс исходят из предположения, что Смердяков разрабатывается в романе в качестве одного из «родственников Магомета», поскольку болен болезнью пророков, «посланников божьих». Характер Смердякова построен на прототипе Магомета из упомянутой книги. Главный герой этой книги, написанной в жанре авантюрного романа, спасается от насильственного обращения в ислам при помощи симуляции безумия. Примечательно при этом то, что самой идее симуляции безумия обучил героя не кто иной, как старый еврей-врач, вынесший свои чародейские познания из Египта. Если это событийное положение соединить с притчей Смердякова о принятии ислама под урозой смерти с симулируемым им безумием, то мотив Магомета приобретает дополнительные очертания [26, с. 50-51].

Второй отзвук «inferнальности» относится к беседе Красоткина с Алешей Карамазовым в сенях избы Снегирева (гл. VI [8]). Обратной стороной позиции интеллектуального превосходства, которую герой пытается занять, является мучительный страх быть обличенным в невежестве: «„А что, если он узнает, что у меня в *отцовском шкафу* всего только и есть один этот номер „Колокола“, а больше я из этого ничего не читал?“ — мельком, но с содроганием подумал Коля» [8, с. 501]. Примечательно, что во внутренней речи героя употребляется слово «шкаф», а не «шкап». Измененное звучание актуализирует прежний локус «шкафа с книгами», связанный с биографией Павла Смердякова. Отказ

Смердякова от книг и убежденность в правильности собственного мнения рассматривается Достоевским в одной плоскости с состоянием сознания героя, переполненного книжными знаниями, набором «чужих мыслей» («вздором», по мнению Алеши), лишаящими героя естественности.

Мотив «книги» является ведущим в событии «примирения» (примирительной встрече) Красоткина с Илюшей и актуализирует ситуацию «кризиса», «границы», «порога», в которой оказывается герой. Эпизод встречи распадается на две части. Первая содержит идеальный вариант воплощения самолюбивых планов Красоткина. Здесь господствует праздничный хронотоп, возникающий из чувств любви, восхищения и обожания. Сцена встречи Коли с сиротками Настей и Костей наполнена множеством «пустяков»: соседским «докторшиным» детям демонстрируется бронзовая пушечка (обменная на книгу из папенькиного шкапа), дрессированный Перезвон (спасенная Жучка), акцентируется внимание на предмете спора детей — о рождении младенцев. Характерная для Достоевского поэтика укрупнения мелкой детали реализуется, как правило, в «пороговых», пограничных ситуациях. Помимо этого «пороговость» подчеркнута необходимостью покинуть дом по «важному делу», которая есть у героя, мотивом «второго рождения» (грядущим духовным изменением героя), который возникает в связи с книгой (ее по распоряжению Коли читают «пузыри») и со спором Насти и Кости о рождении детей. Впоследствии, уже при встрече с Илюшей, эта «мелочная ерунда» будет играть существенную роль в расслаивании текущего времени на «прошлое» и «настоящее», в попытке обновления «прошлого» и «запуске» иного сценария для «настоящего»¹.

Книга как субъект сюжетного действия

Иначе реализуется мотив книги в сюжетных фрагментах драматургического характера, где книга выступает как актант. Умение Ф. М. Достоевского «писать сценами», отмеченное еще в начале XX в. (которое кажется «как бы прямым перенесением условий сцены в эпическое повествование» [11, с. 412]), было переосмыслено в контексте идеи «сценарной полифонии в романах писателя» [18, с. 71] — сложного и напряженного взаимодействия сценариев и наличия предостаточного количества «сценаристов» в художественном мире Достоевского. Ф. В. Макаричев рассматривает ситуации, связанные с Иваном, как попадание «в чужой сценарий», т. е. утрату авторитетной «точки внеаходимости» [2, с. 21]. Кульминацией действий в «чужом сценарии» является третья встреча Ивана со Смердяковым, где особенно заметно метафизическое сближение разных модусов бытия. Именно в хронотопе заключительной беседы Ивана Карамазова и Смердякова (ч. IV, кн. XI, гл. VIII [9]) книга присутствует как определенный материальный объект, имеющий некие внешние характеристики (цвет, объем, вес), использующийся Смердяковым в предметном назначении, в отличие от всех иных случаев реализации мотива книги в сюжете, о которых

¹ Подробнее об этой сцене см. в [3].

говорилось выше. А. П. Власкин — один из первых исследователей, кто обратил внимание на ряд неочевидных значений, связанных с мотивом книги и Смердяковым. Книга одного из отцов церкви VII в. Исаака Сирина «Слова подвижнические», принадлежащая Григорию Кутузову и «добытая» им вскоре после смерти малолетнего сына («дракона»), допущена Смердяковым в пустое и тесное пространство горницы. Н. А. Макаричева высказывает предположение, что «здесь перед нами более или менее определенное указание на то, что Смердяков действительно хотел бы вернуться к чему-то исконному, „отеческому“. В детстве отца ему заменил Григорий Васильевич, которого он впоследствии третировал своей казуистикой» [19, с. 184]. Однако более убедительным выглядит утверждение Г. Я. Галаган о том, что этот эпизод иначе открывает «книжную» историю в жизни Павла. Смердяков рос во флигеле Григория, с малых лет видел книгу преподобного Исаака Сирина, которая вызвала у него любопытство, переросшее в целенаправленный интерес. Это косвенно подтверждают ключевые слова, которыми характеризуется Смердяков и которые входят в тематический указатель основных проблемно-смысловых реалий подвижника («молчание», «созерцание», «помысл»), а также обороты речи Смердякова (многократно повторенное «рассудите сами», обращенное к оппоненту). Вместе с тем все впечатления и помыслы молчаливого созерцателя Павла формируются в полной оппозиции к поучениям подвижника, который воспринимается как «личный враг». «Слова о дозволенности апостолу Павлу... „делать всё“, механически изъятые из контекста суждения Исаака Сирина, связываются Смердяковым с собственной личностью. Так появляется другой Павел, но уже — в дьявольском чине, претендующий доказать свою способность на всё» [6, с. 182]. В третьей, последней, встрече Смердякова и Ивана эта книга присутствует как участник диалога, которому в большей степени, чем Ивану, Павел Смердяков доказывает собственное превосходство.

В сцене встречи книга трижды маркирует переломные моменты, и каждый раз меняется обозначение статуса ее присутствия: *предмет* — *название* и *имя автора* — *имя автора*. Таким образом, формируется внешне мало выраженная дополнительная сюжетная линия, связанная с книгой, несущая, однако, большую смысловую нагрузку. Во-первых, книга сразу попадает в поле зрения Ивана при первом взгляде, которым он окинул комнату. Это и не могло быть иначе, поскольку в комнате при всей ее тесноте было немного предметов. Кроме того, это знак профессионального внимания Ивана, имевшего дело с книгами. Только что это за книга («толстая в желтой обертке») [9, с. 58], известно всем (Смердякову, повествователю, автору и читателю), кроме Ивана. Вместе с тем пространство комнаты, в котором оказался Иван и в котором есть книга, является символическим завершением конкретной дороги Ивана к Смердякову, которая характеризуется метафизически, а также имеет все признаки инфернального хронотопа и символического «пути» Ивана к Смердякову как некоего вектора судьбы. Внешние явления — мрак (отсутствие фонарей) и завихрения («острый, сухой ветер», перешедший в «совершенную метель») — сопрягаются

с кружением во внутреннем мире героя (гнев и ненависть в Смердякову, за которые поплатился пьяный мужичонка, двигавшийся зигзагами, качнувшийся и задевший Ивана, желание Ивана его «пришибить»), с телесными муками Ивана (головная боль и судороги в кистях). Мифологема пути включает значимые топографические объекты — порог и дверь, которые дважды проходит герой (из метели герой шагает в избу Марьи Кондратьевны, затем в перегретую горницу), пока он не оказывается в тесном пространстве комнаты и положение его не фиксируется за столом, на котором лежит книга. Неуклонное сужение пространства связывается с мотивом неизбежности, движением в тупик, с отсутствием альтернатив, выбора, с однозначностью. Желтый цвет книжной обложки повторяется во внешности Смердякова: «он очень изменился в лице, очень похудел и пожелтел» [9, с. 58], что свидетельствует о его болезни духа, замыкая линию описания болезненного состояния Ивана.

Во-вторых, название книги «Святого отца нашего Исаака Сирина слова» открывается Ивану, когда Смердяков признается в преступлении, извлекает из чулка деньги и прикрывает их книгой. «В символике бытового жеста» осуществляется «сгущение метафизической „материи“ общения» [12, с. 53]. Название книги оглашено, явлен третий участник беседы. Молчаливое «звучание» слов святого отца в системе диалога создает «ценностную» вертикаль, открывает метафизическую бесконечность пространства культурной памяти и возможный путь духовного перерождения, не исключаящийся или содержащийся как потенция, по мысли Ф. М. Достоевского, в самых темных и отчаянных ситуациях. Теперь оба участника диалога осведомлены о книге, однако контекст их пребывания различается. Обостренно мнительный Смердяков чувствует присутствие «третьего»: «Третий этот — Бог-с, самое это провидение-с, тут оно теперь подле нас-с, только вы не ищите его, не найдете» [9, с. 60]. В противоположность Ивану он связан со смыслами, генерируемыми книгой, и с ее автором. Для Ивана книга в данной ситуации просто предмет, ее название он прочитывает «машинально». Характерно, что после заявления Смердякова о третьем испуганный Иван «поспешно» ищет «глазами кого-то *по всем углам*», [9, с. 706], чувствуя метафизическое изменение конфигурации пространства. Л. А. Куплевацкая пишет о том, что ощущение тесноты, сжатости комнатного пространства в сцене третьей беседы по функциональному значению приближается к inferнальности «угла». Перестановка мебели, произведенная в комнате, сделала ее тесной изначально («...в комнате стало очень тесно»), однако пространство продолжает сжиматься по мере нарастания напряженности в диалоге. Процесс «сжимания» пространства приобретает отчетливое символическое значение: герой загоняется в угол. Когда деньги были извлечены Смердяковым из чулка и из предмета разговора (речевой абстракции) стали реальным предметом (свидетельством преступления), пространство сужается до предела, становится плоским и делает Ивана пленником: «...Быстро вскочив с места, откатнулся назад, так что стукнулся спиной об стену и как будто прилип к стене, весь вытянувшись в нитку»; «Он встал с очевидным намерением пройтись по комнате.

Он был в страшной тоске. Но так как стол загораживал дорогу и мимо стола и стены почти приходилось пролезать, то он только повернулся на месте и сел опять» [9, с. 60, 66]. Пространственное решение сцены отчетливо выявляет символическое значение «стены» как безысходности, граничащей с отчаянием или крахом, своего рода духовно-нравственного «тупика». Иван вырывается из ситуации «у стены», лишь приняв «решение на завтра». Для Смердякова исхода из нее нет: «Вхожу эта к нему самовар прибрать, а он у стенки на гвоздочке висит» [17, с. 91-92].

Финал беседы обозначен многозначительной фразой повествователя: «Смердяков снял с пачек Исаака Сирина и отложил в сторону» [9, с. 67]. Разговорная эллиптичность фразы создает парадоксальный метонимический эффект: книга является в образе своего создателя — отца церкви, святого Исаака Сирина. «Когнитивно выпуклый» элемент метонимии — имя автора книги Исаака Сирина в функции «третьего» участника беседы подтверждает верность предположения Г. Я. Галаган о том, кто именно являлся истинным оппонентом Смердякова. «Почтения Исаака Сирина для возомнившего себя *другим* Павлом Смердякова олицетворяли ту главную силу, в борьбу с которой он вступил» [6, с. 186].

Сочетание имени автора с подчеркнутым объектным статусом книги («снял с пачек Исаака Сирина») выступает как знак завершения идейного противостояния и переводение ситуации в бытовой, материальный план: пачки денег передаются Ивану. Схлопнувшееся культурное пространство оставляет героев в глухом тупике материальной реальности. Мотив отложенной в сторону (отброшенной) книги возвращает к смыслам, связанным с локусом «шкаф с книгами», и далее — к предисловию от автора, где есть рассуждение о двух типах читателей.

Заключение

Рассмотренные случаи функционирования «онтологической схемы», связанной с предметом-символом «книга», мотивом книги в сюжете БК, не исчерпывают всей полноты проблемы, но позволяют сделать вывод о ее значимости для сюжета романа. Книга как упорядоченное семиотическое пространство и форма «искусной памяти» (Ф. Йетс) инициирует в повествовании проблему диалога большого и малого времен, бытийного и бытового, культурного прошлого и текущего настоящего. Книга является «семиотическим центром тяжести текста» (Л. Г. Кихней) и материализованным символом культурного наследия и выполняет в сюжете функцию «готового предмета» (А. К. Жолковский). Его частое или эпизодическое присутствие формирует многоуровневые, разветвленные, взаимосвязанные семантические ряды, которые воссоздают «пространство некоторой общей памяти», в соотношении с которым действуют герои. «Эмпирические и духовные события в романе связаны друг с другом исходящим от древних прототипов всепроникающим символическим кодом, отзвуки которого слышны на глубинных уровнях культурной памяти», — пишет Д. Э. Томпсон [21, с. 14]. Мотив книги включает в себя обширную семантику знания, памяти, просвещения, изменения, «второго рождения» и выступает компонентом

архитектонического принципа организации повествования. В этом контексте получает иное освещение образ «отбрасывания/откладывания книги», знаменующий выход за пределы культурного пространства в хаос беспамятства. Процесс чтения, напротив, выступает как узнавание «прежних» смыслов в новых контекстах, прорастание (в терминологии Ю. М. Лотмана) культурных смыслов в иных обстоятельствах, что означает в самом широком смысле продолжение живой жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барбазюк В. Ю. Возникновение синергетической парадигмы в языкознании / В. Ю. Барбазюк // *Lingua Mobilis*. 2010. № 6 (25). С. 12-19.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин; сост. С. Г. Бочаров. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. 445 с.
3. Бондарчук Е. М. Поэтика культурной памяти и предметно-вещная онтология в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2020. № 5 (211). С. 142-154.
4. Бэлнэп Р. Генезис романа «Братья Карамазовы». Эстетические, идеологические и психологические аспекты создания текста / Р. Бэлнэп. СПб.: Академический проект, 2003. 264 с.
5. Власкин А. П. К проблеме идеологического контекста в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: дисс. канд. филол. наук / А. П. Власкин. Л., 1984. 216 с.
6. Галаган Г. Я. «Царство» раздора и слуга Павел Смердяков / Г. Я. Галаган // *Достоевский. Материалы и исследования. Юбилейный сборник*. СПб.: Наука, 2001. Том 16. С. 175-187.
7. Гильманов В. Х. Книга жизни в герменевтике И. Г. Гамана / В. Х. Гильманов // *Слово ру: Балтийский акцент*. 2019. Том 10. № 4. С. 34-44.
8. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы: роман / Ф. М. Достоевский // *Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского: в 30 т. Л.*: Наука, Ленинградское отделение, 1976. Том 14. Кн. I-X. 511 с.
9. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы: роман / Ф. М. Достоевский // *Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского: в 30 т. Л.*: Наука, Ленинградское отделение. 1976. Том 15. Кн. XI-XII: Эпилог. Рукописные редакции. 624 с.
10. Захаров В. Н. Двойничество / В. Н. Захаров // *Федор Достоевский. Антология жизни и творчества*. URL: <https://fedordostoevsky.ru/research/aesthetics-poetics/142/> (дата обращения: 30.06.2021).
11. Иванов Вяч. Достоевский и роман-трагедия. Собрание сочинений: в 4 т. / Вяч. Иванов. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1987. Том 4. С. 399-437.
12. Исупов К. Г. Метафизика Достоевского (антропология) / К. Г. Исупов // *Судьбы классического наследия и философско-эстетическая культура Серебряного века*. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2010. С. 47-75.
13. Кантор В. К. «Судить Божью тварь». Пророческий пафос Достоевского: очерки / В. К. Кантор. М.: РОССПЭН, 2010. 422 с.

14. Карасев Л. В. Достоевский и Чехов: неочевидные смысловые структуры / Л. В. Карасев. М.: ЯСК, 2016. 335 с.
15. Котельников В. А. Средневековые Достоевского / В. А. Котельников // Достоевский. Материалы и исследования. Юбилейный сборник. СПб.: Наука, 2001. Том 16. С. 23-31.
16. Котельникова Т. Г. Потустороннее пространство в произведениях Фёдора Достоевского: «За шкапом» и «в углу» / Т. Г. Котельникова // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2007. № 7. С. 64-70.
17. Куплевацкая Л. А. Символика хронотопа и духовное движение героев в романе «Братья Карамазовы» / Л. А. Куплевацкая // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, Санкт-Петербургское отделение, 1992. Том 10. С. 90-100.
18. Макаричев Ф. В. Полилог драматических направлений и жанров в поэтике Достоевского / Ф. В. Макаричев // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Серия: Филология, история, востоковедение. 2011. № 2 (37). С. 71-75.
19. Макаричева Н. А. Гендерологическая многовалентность образа Фёдора Павловича Карамазова в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» / Н. А. Макаричева // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2019. № 2. С. 71-75.
20. Неклюдов С. Ю. К вопросу о связи пространственно-временных отношений с сюжетной структурой в русской былине / С. Ю. Неклюдов // Тезисы докладов во второй летней школе по вторичным моделирующим системам (16-26 августа 1966 г.). Тарту, 1966. С. 41-45.
21. Томпсон Д. Э. «Братья Карамазовы» и поэтика памяти / Д. Э. Томпсон. СПб.: Академический проект, 1999. 344 с.
22. Фарафонова О. А. Мотивная структура романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: автореф. дисс. канд. филол. наук / О. А. Фарафонова. Томск, 2003, 20 с.
23. Фридлиндер Г. М. Примечания / Г. М. Фридлиндер // Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского: в 30 т. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1976. Том 15. С. 399-523.
24. Чернова Н. В. Последняя книга Настасьи Филипповны: случайность или знак? («Героиня с книгой» как сквозной мотив в творчестве Достоевского) / Н. В. Чернова // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2010. Том 19. С. 175-187.
25. Щедракова О. Н. Функционирование категории вещи в поэзии постсимволизма. На материале ранней лирики Б. Л. Пастернака: дисс. канд. филол. наук / О. Н. Щедракова. М., 2006. 215 с.
26. Mondry H. Доктор Герценштубе — «общечеловек» или идея растворения иудаизма в христианстве? / H. Mondry // Dostoevsky Studies. 1988. Vol. 9. Pp. 46-61.

Elena M. BONDARCHUK¹

UDC 662.5; 821.161.1

**BOOK TOPIC IN THE NOVEL BY F. M. DOSTOEVSKY
“THE BROTHERS KARAMAZOV”**

¹ Cand. Sci. (Philol.), Associate Professor,
Department of Social Systems and Law,
Samara National Research University
elena_bondarchuk@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1021-5684

Abstract

The article is devoted to the study of the poetics of F. M. Dostoevsky’s novel “The Brothers Karamazov”. This problematic area, despite active research attention, still contains a huge potential for further discoveries. The author focuses attention on the actual problem of subject-material representation of artistic space. This work aims is to study book topics, to identify a system of relationships between stable images and motives, which are represented in the text as the lexeme “book” and its derivatives. Based on predecessors’ studies (A. P. Vlaskin, G. Ya. Galagan, L. V. Karasev, N. A. Makaricheva), the author puts forward and defines the idea of the functioning of the “ontological scheme” of the plot, which is formed by the subject-symbol “book”. Despite the relative paucity of plot situations with the point of presence of the book, a wide branching of the scheme is revealed, because of the principle of duality inherent in Dostoevsky’s poetics as well. In conclusion, the author argues about the significance of this “ontological scheme” for understanding the idea of the novel in connection with the breadth of the semantics contained in it: knowledge, memory, enlightenment, change, “second birth”. The article consists of four parts, which examine in detail the functioning of the book topic in different plot fragments: in the preface “From the Author”, in the narrator’s reports about the biography of Smerdyakov and Krasotkin, in the third meeting of Ivan Karamazov with Smerdyakov. The author uses the structural-semiotic method of studying the text with elements of mythopoetic and ontological approaches.

Citation: Bondarchuk E. M. 2022. “Book topic in the novel by F. M. Dostoevsky ‘The Brothers Karamazov’”. Tyumen State university Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 8, no. 3 (31), pp. 90-107.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-3-90-107

Keywords

Book topic, ontological scheme, motif of the book, Dostoevsky, The Brothers Karamazov.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-3-90-107

REFERENCES

1. Barbazyuk V. Yu. 2010. "The emergence of a synergetic paradigm in linguistics". *Lingua Mobilis*, no. 6 (25), pp. 12-19. [In Russian]
2. Bakhtin M. M. 1986. *Aesthetics of Verbal Creativity*. Edited by S. G. Bocharov. 2nd edition. Moscow: Iskustvo. 445 pp. [In Russian]
3. Bondarchuk E. M. 2020. "Poetics of cultural memory and subject-material ontology in the novel by F. M. Dostoevsky 'The Brothers Karamazov'". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 5 (211), pp. 142-154. [In Russian]
4. Belnep R. 2003. *Genesis of the Novel "The Brothers Karamazov". Aesthetic, Ideological, and Psychological Aspects of Text Creation*. Saint-Petersburg: Akademicheskii prospekt. 264 pp. [In Russian]
5. Vlaskin A. P. 1984. "On the Problem of Ideological Context in F. M. Dostoevsky's Novel 'The Brothers Karamazov'". *Cand. Sci. (Philol.) diss.* Leningrad: Leningrad State Pedagogical Institute. 216 pp. [In Russian]
6. Galagan G. Ya. 2001. "The 'Kingdom' of Discord and the Servant Pavel Smerdyakov". In: Budanova N. F., Yakubovich I. V. (eds.). 2001. *Dostoevsky. Materials and Studies. Jubilee Collection*. Vol. 16, pp. 175-187. Saint-Petersburg. [In Russian]
7. Gilmanov V. Kh. 2019. "The book of life in hermeneutics by I. G. Gaman". *Slovo.ru: Baltiyskiy aktsent*, vol. 10, no. 4, pp. 34-44. [In Russian]
8. Dostoevsky F. M. 1976. "The Brothers Karamazov". In: *Dostoevsky F. M. Complete Collection of Works in 30 vols*. Vol. 14. Parts 1-10. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie. 511 pp. [In Russian]
9. Dostoevsky F. M. 1976. "The Brothers Karamazov". In: *Dostoevsky F. M. Complete Collection of Works in 30 vols*. Vol. 15. Parts 11-12. Epilogue. Handwritten revisions. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie. 624 pp. [In Russian]
10. Zakharov V. N. "Duality". In: *Feodor Dostoevsky. Anthology of Life and Work*. Accessed 30 June 2022. <https://fedordostoevsky.ru/research/aesthetics-poetics/142/> [In Russian]
11. Ivanov Vjach. 1987. "Dostoevsky and the Novel Are a Tragedy. Collected Works in 4 Vols.". In: *Ivanov Vjach. Collected Works in 4 vols*. Vol. 4, pp. 399-437. Brussels: Foyer Oriental Chrétien. [In Russian]
12. Isupov K. G. 2010. "Dostoevsky's Metaphysics (anthropology)". In: *Isupov K. G. The Fate of the Classical Heritage and the Philosophical and Aesthetic Culture of the Silver Age*, pp. 47-75. Saint-Petersburg: Russkaya khristianskaya gumanitarnaya akademiya. [In Russian]
13. Kantor V. K. 2010. "To Judge God's Creature". *The Prophetic Pathos of Dostoevsky: Essays*. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN). 422 pp. [In Russian]
14. Karasev L.V. 2016. *Dostoevsky and Chekhov: Non-Obvious Semantic Structures*. Moscow: YaSK. 335 pp. [In Russian]

15. Kotelnikov V. A. 2001. "Dostoevsky's Middle Ages". In: Dostoevsky. Materials and Studies. Jubilee Collection. Vol. 16, pp. 23-31. St. Petersburg: Nauka. [In Russian]
16. Kotelnikova T. G. 2007. "Otherworldly space in the works of Fyodor Dostoevsky: 'Behind the Closet' and 'In the Corner'". Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kulturologiya, no. 7, pp. 64-70. [In Russian]
17. Kuplevackaya L. A. 1992. "The symbolism of the chronotope and the spiritual movement of the heroes in the novel 'The Brothers Karamazov'". In: Dostoevsky. Materials and Studies. Jubilee Collection. Vol. 10, pp. 90-100. St. Petersburg: Nauka, S.-Peterburgskoe otdelenie [In Russian]
18. Makarichev F. V. 2011. "Polylogue of dramatic trends and Genres in Dostoevsky's poetics". Uchenye zapiski Zabaykalskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta im. N. G. Chernyshevskogo. Seriya "Filologiya, istoriya, vostokovedenie", no. 2 (37), pp. 71-75. [In Russian]
19. Makaricheva N. A. 2019. "Genderological multivalence of the image of Fyodor Pavlovich Karamazov in F. M. Dostoevsky's novel 'The Brothers Karamazov'". Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya "Istoriya i filologiya, no. 2, pp. 71-75. [In Russian]
20. Neklyudov S. Yu. 1966. "On the question of the connection of space-time relations with the plot structure in the Russian epic". Proceedings of the 2nd Summer School on Secondary Modeling Systems (16-26 August, Tartu), pp. 41-45. [In Russian]
21. Tompson D. E. 1999. "The Brothers Karamazov" and the Poetics of Memory. Saint-Petersburg: Akademicheskij proekt. 344 pp. [In Russian]
22. Farafonova O. A. 2003. "The Motivic Structure of F. M. Dostoevsky's Novel 'The Brothers Karamazov'". Cand. Sci. (Philol.) diss. abstract. Tomsk. 20 pp. [In Russian]
23. Fridlender G. M. 1976. "Comments". In: Complete Collected Works by F. M. Dostoevsky in 30 vols. Vol. 15, pp. 399-523. Leningrad. [In Russian]
24. Chernova N. V. 2010. "Nastasia Filippovna's latest book: an accident or a sign? ('Heroine with a Book' as a cross-cutting motif in Dostoevsky's work)". In: Dostoevsky. Materials and Studies. Vol. 19, pp. 175-187. St. Petersburg: Nauka. [In Russian]
25. Shhedrakova O. N. 2006. "The Functioning of the Category of Things in the Poetry of Post-Symbolism. Based on the Material of B. L. Pasternak's Early Lyrics". Cand. Sci. (Philol.) diss. Moscow: Moscow State University. 215 pp. [In Russian]
26. Mondry H. 1988. "Dr. Herzenstube — 'Universal Man' or the idea of the dissolution of Judaism in Christianity?". Dostoevsky Studies, vol. 9, pp. 46-61. [In Russian]